

Владимир Сумароков

Сумароков Владимир Рудольфович – журналист, литератор. Родился и вырос в Воркуте. В 1986 г. закончил исторический факультет Сыктывкарского государственного университета. В 1986–1990 гг. занимался преподавательской деятельностью, с 1991 г. – журналистикой. С 2001 г. – главный редактор газеты «Трибуна».

Стихи и проза В. Сумарокова печаталась в различных журналах и коллективных сборниках. Автор книг: «Единовременная тюрьма» (1992), «Агарь» (2000), «Коми на переломе» (2013), «Злоба дня» (2014).

«Возможно, осень...»

***

Есть запреты на тысячу разных проказ –
На застолье, драку, валяние дурака.
То ли совесть терзает, а может – жена и врачи.
Чтобы жить – существует немало причин.

Ходишь в лавку и мелочь сшибаешь на жизнь.
Лунным вечером точишь на кухне ножи.
Наточил – да уже запретили врагов,
Задвигаешь обиды на ржавый засов.

Но однажды сорвёшься: все правила и табу
Хоть на ночку, да вылетят, словно в трубу.
Ты нальёшь себе водки и сядешь с другом за стол,
От зловещей совести, как от погони, ушёл.

И снова куришь, произносишь застольный спич.
А после, пьяный, едешь под красный кирпич.
И женщине сонной, потому что – нельзя,
С виноватой улыбкой заглядываешь в глаза.

***

У рыжих запах сухой, соломенный,
чёрные пахнут водорослями, глубиной,
каштановые – водой колодезной,
а дуры крашенные – тобой.

***

А помнишь, и мы летали,
как на картине Шагала...
И падали вниз без звука,
когда расцепили руки.

***

Ни одной не запрятав заначки,
взял да помер мой друг-неудачник.
Ни стихов не оставил, ни денег.
Хоронили его в понедельник.

***

Хоть я жалок, слаб и плох,
у меня полно врагов.
Даже маленький микроб
шепчет злобно: «Чтоб ты сдох!»

***

Злой умник в траурной толпе
пред гробом скажет вдруг, напыжась:
«Ведь говорили же тебе –
бросай курить, вставай на лыжи!»

***

На узких дорожках карточных
судьба подберёт остаточки:
разлуки, дома казённые
и тупики бетонные.

А будущее к нам пятится,
а будущее в нас пялится,
как сон с четверга на пятницу.

***

Сработан пар эпохи нулевой,
В кишках раздутых переварен холод.
Он надорвался, маленький герой,
Когда страну прихватывал за ворот.

Не запахнуть, как крылья кимоно,
Не завязать на тонкий чёрный пояс.
В окно не видя ближнее окно,
Гудит вражда, быкуя и сукровясь.

Державный блеск у памяти взаимы
Уже не взять, из прошлого не вычесть.
Среди зимы – ни мира, ни войны,
Лишь череда позорных, мелких стычек.

В пустых экранах звёзды сожжены.
Летит кортеж, и снайперы – на крышах.
И вновь не чуем никакой страны
Ни под собой, ни даже где-то – выше.

***

В слепую рань, до первых сигарет,
Какая доблесть – выбежать из дома!
По холодку, безумный, как поэт,
Ты топчешь рыжий гравий стадиона.

Не снился Данте этот странный ад:
Круги рифмуя, двигаться кругами.
Молчат трибуны, трубы не трубят.
Истёрлись диски между позвонками.

То старость, милый, сколько ни храбрись,
Твой мелкий подвиг миру бесполезен.
Горит в подошвах стоптанная жизнь,
И кровь стучит, отравлена железом.

Кто видит бег, кто выйдет на балкон? –
Один лишь Бог, бессонницей измятый,
Твой вечный зритель, вечный стадион,
Насмешливый холодный соглядатай.

***

Исход неясен. На фронтах любви
Давно не помним времени любого.
Туда или обратно – журавли?
Возможно, осень. Осень, слава Богу.

И будут ждать какой-нибудь весны
Оглохшие у пушек канониры.
Две армии, не выиграв войны,
Уходят спать на зимние квартиры.

Но стихнут трубы милого врага
И барабанов гневные мажоры,
Когда под утро отзовёшь войска
И волю дашь слезам-парламентёрам.

Прятки

Это в детстве бывает, когда играют в мужчин,
Пыхтя папиросой. И тянет то вверх, то вниз –
Равнодушные прятки в бахrome паутин,
Без особой надежды спрятаться и спастись.

Но пока не хватились во дворе и нигде,
Можно выкурить пачку целиком, на пари,
Оставаясь бессмертным под лестницей, в темноте,
Никогда не вырасти и не уехать в Париж.

И в глаза своей девочке – звёзды пляшут на чердаке –
Говорить со знанием дела про «парижскую пыль».
А когда она дрогнет, прижаться к её щеке
И любить её долго, как никого не любил.

Чтобы прятаться, в мире есть города,
Есть цветные ландшафты, морская крадущая гладь...
Но однажды состаришься – и случится беда,
Когда некому больше тебя искать.

Под сквозными мостами, в прицелах прозрачных аллей –
Будет осень, и горький осыплется сад-парадиз.
Жизнь пройдёт – и не надо, не думай о ней.
Никому не спастись.

Телеграмма

Смерть – как восстанье, как переворот:
берёт вначале почту, телеграф.
Нет расстояний, есть ночной полёт –
и весть летит, звоночек оборвав.

Затем, без пауз, может взять вокзал,
бездумно тычась в очередь у касс.
Кассиров – матом, штурмом – поезда.
Но слёзы – нет! – не капают из глаз.

Лишь после тризны, жирных пирогов,
когда ты пьян, и зол, и нехорош,
заноет сердце. Восемь страшных слов –
смысл телеграммы – может быть, поймёшь.

Рисунок на дне кубшина

В зубах эпох, по старческим законам,
мир перетёрся в мраморную крошку.
Издалека колонны Парфенона
напоминают старую расчёску.

Как безнадежна древняя усталость,
Эллады пыльной каменная осень...
Но мёртвый мир – из глиняных развалов –
вдруг оживит фигурка водоноса.

Смешной пострел, над вечностью летящий,
ему легка живительная ноша.
Не в жалком прошлом – в жарком настоящем
бегут века по глиняным дорожкам.

И пусть земля оставлена богами,
давно остыли мраморные вещи.
Но этот живчик с тонкими ногами
не упадёт и воду не расплещет.

***

Шорох стеклянный текучих песков,
глиняный сон ассирийских царьков –
древняя память, дорожная вечность
двух караванов, идущих навстречу,
что никогда и нигде не встречаются.
Души песочные рассыпаются,
дервиши, шейхи, песочные башни...
Время их точит, самое страшное –
время песочное.

Ты приходила из пыльных веков
с тысячью сказок и тысячью слов,
Шехерезадой себя называла,
но исчезала, к утру рассыпалась,
так никогда ни со мной и ни с кем
не умерев на холодном песке.

Время без стрелок – самое точное,
кровью разносится, камешком – в почки...
Вот и рассыпался влажный комочек.
Время песочное.
Кажется, кончилось.